

ПОСТКЕЙНСИАНЦЫ И ДУГЛАС НОРТ О НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ИНСТИТУТАХ: ПРОПУЩЕННАЯ СВЯЗЬ?

РОЗМАЙНСКИЙ ИВАН ВАДИМОВИЧ,

*кандидат экономических наук,
доцент Санкт-Петербургской школы экономики и менеджмента
Национального исследовательского университета – Высшая школа экономики,
доцент факультета свободных искусств и наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург,
e-mail: irozmain@yandex.ru*

В статье сравниваются подходы посткейнсианства и Д. Норта к анализу неопределенности и роли институтов в ее снижении. Автор подчеркивает, что посткейнсианство было первой школой экономической мысли, сделавшей неопределенность отправным пунктом своей исследовательской программы, однако их подход к этому феномену остался незамеченным. Многие из того, что написал Д. Норт о неопределенности, было сказано посткейнсианцами задолго до него. Не случайно, обсуждая понятия эргодичности и неэргодичности, Д. Норт ссылается на лидера посткейнсианцев П. Дэвидсона. Оба подхода приходят к выводу о том, что неоклассическая теория, игнорирующая «подлинную» (фундаментальную) неопределенность, не может быть применима для решения проблем реального мира. В статье также показаны различия между этими двумя подходами. В то время как теория Д. Норта объясняет, почему многие системы не способны к устойчивому экономическому росту, посткейнсианцы акцентируют проблемы, с которыми сталкиваются системы, воспринимаемые как успешные. Эти проблемы связаны с тем, что институциональная эволюция может уменьшить эффективность снижения неопределенности, и проявляются в макроэкономических и финансовых кризисах.

Ключевые слова: *посткейнсианство; Норт, неопределенность; институты; контракты; деловые циклы; экономический рост.*

THE POST KEYNESIANS AND DOUGLAS NORTH ABOUT UNCERTAINTY AND INSTITUTIONS: THE MISSING LINK?

IVAN V. ROZMAINSKY,

*Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor,
Saint Petersburg School of Economics and Management of NRU HSE,
Associate Professor,
Faculty of Liberal Arts and Sciences of the Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg,
e-mail: irozmain@yandex.ru*

The paper compares the Post Keynesian and North's approaches to an analysis of uncertainty and uncertainty-reducing role of institutions. Author emphasizes that Post Keynesianism was the first school of economic thought that has made uncertainty the starting point of own research program. Many of North's line of reasoning about uncertainty were mentioned by the Post Keynesians long before his works had been published. It is not fortuitous that in the course of discussion of ergodicity and non-

ergodicity North cites Davidson, leader of Post Keynesianism. Both approaches conclude that Neoclassical theory cannot be applicable to the solution of the real world's problem because it ignores "genuine" (fundamental) uncertainty. The paper considers also differences between these two approaches. Whereas North's theory explains inability of many systems to grow steadily, the Post Keynesians emphasize problems of systems perceived as successful. These problems exist due the fact that institutional evolution decreases effectiveness of uncertainty's reduction and are revealed in macroeconomic and financial crises.

Keywords: *Post Keynesianism; North; uncertainty; institutions; contracts; business cycles; economic growth.*

JEL: *B31; E02; E12; 043.*

Вместо введения

Глобальный кризис, начавшийся в 2008 году, не случайно был назван в научном сообществе Великой рецессией. Его влияние сказывается до сих пор: «последствия глобального кризиса 2008 года преодолены далеко не полностью» (Орехин, 2015). Данное обстоятельство побудило современных ученых обратить более пристальное внимание на проблему неопределенности, с которой сталкиваются как развитые капиталистические страны, так и те государства, которые пытаются их догнать. К сожалению, господствующая неоклассическая теория склонна сводить неопределенность к риску, тем самым постулируя, что любые неизведанные и непонятные события всегда можно описать и объяснить, используя методы теории вероятностей. Не случайно лидер новых классиков Роберт Лукас заявил, что «в ситуации неопределенности экономические рассуждения являются бессмысленными». (Lucas, 1981. P. 224). Такое отношение к анализу неопределенности в значительной степени обусловлено тем, что отказ от применения теории вероятностей не совместим с растущей формализацией экономического анализа в рамках мейнстрима (Hodgson, 2011).

Однако в экономике, использующей изобилие разнообразных активов длительного пользования, - производственных, финансовых и прочих - и характеризующейся высокой степенью разделения труда и специализации, а также присутствием изолированных институтов и организаций, неизбежно присутствует неопределенность. При ней экономические субъекты не в состоянии иметь информацию ни о количестве возможных будущих результатов того или иного варианта выбора, ни о вероятности каждого из этих вариантов. Чтобы экономическая система, охваченная неопределенностью, адекватно функционировала, необходимо применение различных способов снижения этой неопределенности. Чем успешнее та или иная система снижает неопределенность, тем больше она способна к длительному экономическому развитию и тем устойчивее она по отношению к шокам и кризисам. Данная статья является попыткой установить связь между двумя теориями, исследующими важность неопределенности и ее снижения для экономической жизни. Одна из них - посткейнсианство, другая - теория лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта. Наша задача - найти общее и различное между этими теориями и продемонстрировать, как учет идей, содержащихся в них, способствует более правильному пониманию и того, что необходимо для долгосрочного экономического роста, и того, что нужно для преодоления последствий тяжелых циклических и структурных кризисов. Собственно, эта задача диктует и структуру работы. Сначала мы поговорим о роли неопределенности в посткейнсианском подходе - исторически первой школе экономической мысли, в которой, по сути, все или почти все основные экономические проблемы и функции выводятся из стремления хозяйствующих субъектов снизить неопределенность. Далее мы рассмотрим взгляд на неопределенность Д. Норта. После этого мы попытаемся сравнить эти концепции.

**Посткейнсианство: неопределенность как отправной пункт
экономического анализа**

С точки зрения посткейнсианского подхода, *неопределенность* будущего означает, что мы не можем предсказать будущие результаты нашего выбора даже при помощи вероятностных распределений, поскольку у нас нет научной основы для вычисления соответствующих вероятностей. По этому поводу в 1937 году Дж. М. Кейнс (*Кейнс, 1998. С. 284*) писал следующее: «... под «неопределенным» знанием я не имею в виду просто разграничение между тем, что известно наверняка, и тем, что лишь вероятно. В этом смысле игра в рулетку или выигрыш в лотерею не является примером неопределенности; ожидаемая продолжительность жизни также является лишь в незначительно степени неопределенной. ... Я употребляю этот термин в том смысле, в каком неопределенными являются перспектива войны в Европе, или цена на медь и ставка процента через двадцать лет, или устаревание нового изобретения, или положение владельцев частного богатства в социальной системе 1970 года. Не существует научной основы для вычисления какой-либо вероятности этих событий. Мы этого просто не знаем». Мы не знаем ни количества возможных исходов, ни вероятностей наступления каждого из них.

В этом плане неопределенность отличается от *риска*, при котором будущее *можно* описать при помощи вероятностных распределений, поскольку известны и количества исходов, и вероятности наступления каждого из них. Среди посткейнсианцев одним из первых об этом, по всей видимости, писал Пол Дэвидсон в 1972 году (*Davidson, 1972*). Здесь сразу следует оговориться, что в неоклассической традиции различие между риском и неопределенностью игнорируется, и эти термины обычно используются в качестве синонимов, как, например, в теории ожидаемой полезности. Естественно, посткейнсианцы ни в коем случае не могут согласиться с таким смешением понятий, которое сразу же уничтожает уникальность их подхода¹.

При этом неопределенность будущего, в свою очередь, бывает двух типов; первый тип – *фундаментальная* или *онтологическая неопределенность* – и второй тип – *неясность* [ambiguity] или *эпистемологическая неопределенность* (*Davidson, 1996; Dequech, 2000; Terzi, 2010*).

При *неясности* будущее неопределенно, но познаваемо. Иными словами, неясность представляет собой ту форму неопределенности, которую исследовали, например, представители австрийской школы. Каждый в отдельности хозяйствующий субъект, в том числе и государство, почти ничего не знает о знаниях, предпочтениях и ожиданиях прочих хозяйствующих субъектов. Но рынок в целом собирает всю эту информацию воедино и генерирует верные решения. Поэтому государство никогда не сможет прийти к таким же «хорошим» результатам, к которым приходит рынок. Но, в принципе, информацию, которую собирает и обрабатывает рыночная система, заполучить можно, просто ценой экстремально высоких издержек².

Фундаментальная неопределенность означает не только отсутствие знаний о будущем, но и его *непознаваемость*. Эта непознаваемость связана с тем, что значительная часть нужной информации *еще не создана*. Таким образом, между настоящим и будущим (а также прошлым) возникают *фундаментальные онтологические различия*, и в этом – одно из базовых отличий посткейнсианства от неоклассического подхода (*Розмаинский, 2009*).

¹ Как известно, впервые идея о разграничении между неопределенностью и риском была выдвинута Фрэнком Найтом еще в 1921 году в его знаменитой книге «Риск, неопределенность и прибыль». Учитывая заслуги Дж. М. Кейнса (*Кейнс, 1978; 1998*) в дальнейшем исследовании этого понятия, в современной литературе нередко используется термин «найтинско-кейнсианской неопределенности» для того, чтобы подчеркнуть трактовку неопределенности как феномена, отличного от риска. О том, как такое понимание неопределенности всё более и более вытеснялось из экономической литературы мейнстрима в течение прошлого – начале нынешнего веков, см.: (*Hodgson, 2011*).

² К феномену неясности (или эпистемологической неопределенности), по сути, апеллирует и ставший известным во время Великой рецессии Н. Талеб с его теорией «черных лебедей», о чем будет сказано в одной из сносок к материалу заключительного раздела этой статьи.

По мнению посткейнсианцев, в неоклассической теории экономическая среда характеризуется *эргодичностью*. Этот термин означает, что в такой среде прошлое, настоящее и будущее могут быть охарактеризованы одной и той же функцией вероятностных распределений³. Отсюда следует, в частности, что люди могут предсказывать будущее, либо достоверно, либо используя методы теории вероятностей. Ясно, что для посткейнсианцев такой подход неприемлем. Они исходят из *принципа исторического времени*, согласно которому *прошлое необратимо, а будущее неопределенно*. Именно в историческом времени движется экономическая среда, характеризующаяся *неэргодичностью*, т. е. онтологическими различиями между прошлым, настоящим и будущим.

Чтобы подчеркнуть этот аспект, один из лидеров посткейнсианцев П. Дэвидсон проводит различие между *незыблемой реальностью* [immutable reality] и *поддающейся превращениям реальностью* [transmutable reality]. В незыблемой реальности «будущая траектория экономики и будущие условные последствия всех возможных вариантов выбора предопределены» (Davidson, 1996. P. 479-480). Иными словами, в такой реальности экономическая динамика определяется некими вневременными, незыблемыми законами, и человеческие решения не могут изменить этот «ход вещей». Это означает, что экономика ведет себя так, как система, описываемая классической ньютоновской механикой.

С другой стороны, в поддающейся превращениям реальности «природа и субстанция будущего могут перманентно изменяться индивидами, группами... и/или правительствами, зачастую, таким образом, который в полной мере не предвидится теми, кто инициировал такие изменения» (Davidson, 1996. P. 480, 482). В такой реальности свобода воли играет очень важную роль: человеческие решения могут влиять на существующий «ход вещей».

В незыблемой реальности может время от времени возникать *неясность* (или *эпистемологическая неопределенность*), обусловленная ограниченными счетными и познавательными способностями людей. Неопределенность такого типа, хотя и создает ряд проблем, может быть устранена за счет накопления нужного количества информации и/или развития и освоения соответствующих технологий.

Подобные меры не могут ликвидировать *фундаментальную (онтологическую) неопределенность*, связанную с тем, что в каждый данный момент времени будущее еще не создано, а значит, не предопределено и не познаваемо. Фундаментальная неопределенность – характеристика поддающейся превращениям реальности. Такая реальность – еще одно название для неэргодической среды. И неопределенность, существующая в этой реальности, принципиально неустранима. Ее можно лишь снизить за счет специфических институтов.

Здесь мы сталкиваемся с посткейнсианским подходом к сравнительному анализу экономических систем. По словам С. Руссиса: «То, как мы справляемся с неопределенностью [cope with uncertainty], определяет систему, при которой мы живем» (Rousseas, 1998. P. 17). При этом различные системы сформировали разные институты для того, чтобы «справляться с неопределенностью». Те институты, которые были сформированы на Западе, образовали то, что посткейнсианцы обычно называют *денежной экономикой* [monetary economy].

Это понятие было предложено Дж. М. Кейнсом в одной из статей, опубликованных им до издания его «Общей теории занятости, процента и денег»⁴. В такой экономике, как он отмечал, «... деньги играют свою особую самостоятельную роль, они влияют на мотивы поведения, на принимаемые решения... и потому невозможно предвидеть ход событий ни на короткий, ни на продолжительный срок, если не понимать того, что будет происходить с деньгами на протяжении

³ Впервые в рамках посткейнсианства наиболее отчетливо об этом написал один из основателей этой школы Пол Дэвидсон (Davidson, 1972; 1991; 1996).

⁴ Речь идет о статье, изданной в 1933 году на немецком языке и впервые перепечатанной на английском языке в начале 1960-х годов под названием «A Monetary Theory of Production». Ее можно найти в тринадцатом томе собрания сочинений Дж. М. Кейнса (Keynes, 1973).

рассматриваемого периода» (*Keynes, 1973. P. 408*). Денежная экономика, по Дж. М. Кейнсу, является метафорой современных экономических систем западных стран или «рыночного капитализма».

Важнейший институт денежной экономики – *форвардные контракты*. Контракты обеспечивают определенные гарантии, касающиеся будущих материальных и денежных потоков. Как отмечал С. Руссис: «они [контракты] являются формой контроля над заработной платой и ценами, который конвертирует неопределенность в относительную определенность, не средством вероятностного анализа, ...но достигая во времени... гарантирования будущих цен и издержек» (*Rousseas, 1998. P. 23*). Таким образом, контракты – способ снижения степени неопределенности будущего, они как бы упорядочивают хозяйственную деятельность, имеющую временную протяженность.

Для того чтобы система форвардных контрактов функционировала бесперебойно, необходим другой институт – *деньги*. Деньги в посткейнсианской традиции понимаются как *средство соизмерения контрактных обязательств* и как *средство их выполнения*. Таким образом, деньги в денежной экономике представляют собой не просто «средство обращения» или «всеобщий эквивалент», а, как отмечал Дж. М. Кейнс (*Keynes, 1930. P. 3*), «... то, чем выплачиваются долговые и ценовые контракты и в чем удерживается запас общей покупательной способности». По меткому замечанию Ф. Карвальо, в денежной экономике контракты – грамматика, а деньги – язык. При этом сама денежная экономика понимается как «экономика, основанная на системе форвардных контрактов» (*Carvalho, 1992. P. 102*).

Еще один институт, без которого не мыслимо существование денежной экономики – *государство как орган, выполняющий функцию защиты форвардных контрактов*. Главная функция государства, по мнению посткейнсианцев, состоит вовсе не в устранении негативных экстерналий, не в борьбе с монополиями и даже не в дискреционной макроэкономической политике, а в том, что оно обеспечивает принуждение к выполнению [enforcement] контрактных обязательств. Неспособность или нежелание государства выполнять эту функцию резко увеличивает степень неопределенности будущего и ставит под угрозу само существование денежной экономики⁵.

При этом указанные институты полностью не устраняют неопределенность, лишь снижая ее. В денежной экономике, или, иными словами, в системе рыночного капитализма, неопределенность прежде всего касается денежных поступлений производителей товаров и услуг (*Розмаинский, 2009*). Это обстоятельство и связанные с ним попытки хозяйствующих субъектов снизить степень неопределенности порождают серьезные проблемы, с которыми сталкивается денежная экономика и которые исследуются посткейнсианской традицией. Одной из важнейших проблем являются деловые циклы и кризисы как органичные элементы циклов, о чем мы поговорим далее, но сначала обсудим, что писал о неопределенности и институтах Д. Норт.

Дуглас Норт об уровнях и типах неопределенности

Через некоторое время после того, как были написаны работы, сформировавшие посткейнсианство как научную школу, о важности неопределенности и роли институтов в их снижении заговорил экономист, которого трудно объявить в «еретичности» или «маргинальности». Мы имеем в виду лауреата Нобелевской премии Дугласа Норта.

⁵ Именно институциональный выбор форвардных контрактов в качестве основного способа упорядочения и координации хозяйственной деятельности – вместе с деньгами и государством как институтами, «обслуживающими» функционирование системы контрактов – *создает денежную экономику*, то есть систему рыночного капитализма. Аналогично, институциональный выбор государственной собственности на производственные активы вкупе с директивным планированием создает систему планового социализма.

Еще в своей работе «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики» Д. Норт отметил, что «институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» (Норт, 1997. С. 18).

Однако более детальным и скрупулезным анализ неопределенности становится в самой последней монографии Д. Норты (Норт, 2010) «Понимание процесса экономических изменений», посвященной в основном тому, почему одни страны с течением времени все больше преуспевают, а большинство других «топчутся на одном месте» или терпят крах. Нобелевский лауреат указал, что «... наше исследование в первую очередь посвящено институтам и тому, как люди создают их ради снижения неопределенности» (Норт, 2010. С. 238). Собственно, не случайно вторая глава этой книги называется «Неопределенность в эргодическом мире». Давайте разберем подробно, что пишет Д. Норт о неопределенности и способностях институтов ее снижать.

Начиная эту главу с упоминания знаменитой работы Ф. Найта «Риск, неопределенность и прибыль» и в сноске вскользь ссылаясь на «программную» статью П. Дэвидсона 1991 года (Davidson, 1991), Д. Норт разворачивает детальный анализ того, что такое неопределенность. Он пишет, что «... неопределенность не является отклонением от нормы, это фундаментальное условие, ответственное за развитие структуры социальной организации в ходе истории и в доисторические времена» (Норт, 2010. С. 28). Далее он отмечает, что «убеждения и институты, создаваемые людьми, имеют смысл лишь в качестве непрерывной реакции на различные уровни неопределенности, с которыми мы сталкиваемся в рамках динамически развивающегося физического и социального ландшафта» (Норт, 2010. С. 29).

Что это за «различные уровни неопределенности»? Д. Норт предлагает классификацию этих уровней. Всего он выделяет пять уровней неопределенности. К первому уровню относится неопределенность, которую можно сократить за счет увеличения количества информации в рамках существующего объема знаний; ко второму уровню – неопределенность, которую можно сократить за счет увеличения этого объема, но в рамках существующего институционального устройства. Неопределенность третьего уровня может быть уменьшена только за счет институциональных изменений. В то же время неопределенность, характерная для новых, ранее не встречавшихся ситуаций, относится к четвертому уровню. Наконец, к пятому уровню относится неопределенность, являющаяся основой для «иррациональных» убеждений (Норт, 2010. С. 32-33). При этом, хотя процесс развития институтов продолжается постоянно, «остаток, который ведет к иррациональным убеждениям, играет в современном мире не менее важную роль, чем прежде» (Норт, 2010. С. 35).

Соответственно, снижению неопределенности первого уровня способствует увеличение информации в рамках наличного объема знаний; снижению неопределенности второго уровня – увеличение объема знаний в рамках существующего институционального каркаса⁶. Изменение институционального каркаса в рамках существующей структуры убеждений вызывает снижение неопределенности третьего уровня, в то время как изменение структуры убеждений сокращает неопределенность четвертого уровня.

Таким образом, по Д. Норту, как и у посткейнсианцев, создание и эволюция институтов приводят к снижению неопределенности; а если говорить более узко – неопределенности третьего уровня. Можно сказать, что в нортской теории институциональные изменения направлены «на увеличение выгод от совместной деятельности и инвестиций в человеческий капитал, усиление стимулов к изобретениям и инновациям и снижению трансакционных издержек» (Заостровцев, 2014. С. 32). Именно поэтому неопределенность снижается.

⁶ Согласно интерпретации А. П. Заостровцева, «новые знания» - это изобретения и инновации, несводимые к «простому» обнаружению новой информации (Заостровцев, 2014, С. 31).

Однако этим нортовский анализ неопределенности и роли институтов в ее снижении не ограничивается. Д. Норт идет дальше и говорит о двух разных *типах неопределенности*, один из которых связан с физической средой, а другой – с социальной средой.

Нобелевский лауреат полагает, что «общая характеристика человеческой истории состоит в систематическом снижении уровня воспринимаемой неопределенности, связанной с физической средой» (Норт, 2010. С. 31). Следствие – «сокращение тех источников неопределенности, которые должны объясняться при помощи убеждений, включенных в колдовство, магию, религию» (Норт, 2010. С. 31).

Но «уменьшение неопределенности, связанной с физической средой, стало возможным благодаря значительному усложнению социальной среды» (Заостровцев, 2014. С. 31). Следует отметить, что «в ходе покорения «физической среды» неизбежно складывались всё более сложные социальные институты. Например, хозяйственное освоение дальних расстояний и глобальных пространств на нашей планете требовало перехода от личного к обезличенному обмену, неразрывно связанному с появлением качественно новых и трудных для рационального восприятия его участниками институтов» (Заостровцев, 2014. С. 32).

И здесь Д. Норт говорит о понятиях эргодичности и неэргодичности, упоминавшихся ранее, при обсуждении взглядов посткейнсианцев. Согласно утверждению американского экономиста, термин «эргодический» определяется в словаре Уэбстера как «относящийся к вероятности того, что некоторое состояние будет повторяться, в особенности с нулевой вероятностью того, что некоторое состояние не повторится никогда» (Норт, 2010. С. 36).

На данной стадии аргументации Д. Норт снова ссылается на статью П. Дэвидсона 1991 года и при этом даже ее цитирует (Норт, 2010. С. 36): «эргодический стохастический процесс означает лишь то, что средние величины, вычисленные на основе прошлых наблюдений, не могут существенно отличаться от средних будущих результатов» (Davidson, 1991. P. 132).

Однако, как полагает вслед за П. Дэвидсоном Д. Норт, «мир, в котором мы живем, является неэргодическим – это мир постоянно возникающих новых изменений» (Норт, 2010. С. 32). Люди постоянно создавали в прошлом и создают сейчас общества, являющиеся уникальными по сравнению с предшествовавшим опытом. Эти и похожие рассуждения позволяют Д. Норту в конце своей работы сделать следующий вывод: «Ключевой тезис нашего исследования сводится к тому, что неэргодическая природа нашего мира затрудняет успешный ответ на бесчисленные новшества, с которыми сталкиваются люди, создавая всё более сложную и взаимозависимую человеческую среду» (Норт, 2010. С. 239).

Это означает, что любая теория, которая предлагает описывать будущее, опираясь на прошлый опыт, оказывается неадекватной. Следовательно, таковой оказывается неоклассическая доктрина и близкие к ней направления.

Об этом же говорили посткейнсианцы еще лет за тридцать до выхода обсуждаемой книги Д. Норты. Но по ряду причин к их мнению не прислушались и постепенно их загнали в некое научное гетто.

К чему приводит неэффективность в снижении неопределенности?

Взгляды посткейнсианцев и Д. Норты

Как уже было отмечено, по мнению посткейнсианцев, институты денежной экономики – контракты, деньги как средство соизмерения и выполнения контрактов, а также государство как организация, принуждающая к выполнению контрактов, – полностью не устраняют неопределенность, а лишь уменьшают ее. Неопределенность в такой экономике охватывает денежные поступления производителей товаров и услуг, и результатом оказываются деловые циклы.

Вообще говоря, циклические колебания экономической активности (то есть совокупного выпуска или реального национального дохода) порождаются, с их точки зрения, изменениями в «выборе активов длительного пользования» – главным

образом элементов основного капитала и высоколиквидных активов (денег и их заменителей). При прочих равных условиях, увеличение спроса на капитальные блага (уменьшение спроса на деньги) приводит к подъему и буму в экономике, тогда как уменьшение спроса на них (увеличение спроса на деньги) вызывает спад и депрессию. Выбор активов длительного пользования определяется, прежде всего, ожиданиями будущих доходов и степенью уверенности в этих ожиданиях. Повышение степени оптимизма и/или уверенности приводит к увеличению ожидаемой доходности производственных активов и снижению потребности в ликвидных активах. В экономике наступает стадия циклического оживления деловой активности. Противоположное воздействие оказывают распространение пессимистических настроений и/или неуверенность в будущем (Розмаинский, 2009). Таким образом, отсюда следует, что *система рыночного капитализма является внутренне нестабильной* вследствие того, что экономические субъекты время от времени меняют структуру своего выбора активов длительного пользования (Minsky, 1975). С посткейнсианской точки зрения, кризисы органично присущи такой экономике, возникая тогда, когда экономические агенты увеличивают спрос на непроизводственные активы длительного пользования типа денег, старого фонда недвижимости, антиквариата, драгоценностей и т. д. При этом экономическая нестабильность усиливается и углубляется использованием долгов, особенно когда широко практикуется краткосрочное кредитование долгосрочных инвестиционных проектов. В таком случае, если государство своевременно не вмешивается посредством стабилизационной политики, амплитуда циклов рискует стать значительно больше. Институциональная эволюция, приводящая к расширяющемуся распространению долгов, причем не только инвестиционных, но и потребительских кредитов, увеличивает потенциал экономической нестабильности. Такая эволюция является в значительной степени следствием попыток еще больше снизить неопределенность «через вертикальную и горизонтальную интеграцию, конгломератные слияния, дифференциацию продукта и другие способы накапливания экономической власти» (Rousseas, 1998. P. 22), а также финансовых инноваций со стороны банков и небанковских финансовых посредников (Minsky, 1986). Посткейнсианский подход указывает на то, что экономические агенты, обладающие высокой степенью рыночной власти, имеют больше возможностей вовлекаться в долговые отношения.

Таким образом, хотя взгляд посткейнсианцев на рыночный капитализм не столь пессимистичен, как, скажем, у марксистов, все-таки они четко говорят о присущей ему нестабильности и связанных с ней кризисах. Такая нестабильность – следствие неопределенности, присущей этой экономической системе и полностью не устраняемой ее институтами. Более того, если отсутствует адекватная государственная политика, – как на макроэкономическом, так и на институциональном уровнях, – подобная нестабильность может усугубляться (Minsky, 1986). Одним из индикаторов этого явилась начавшаяся в 2008 году Великая рецессия с ее мириадами финансовых, экономических и социальных проблем.

Указанная точка зрения явно расходится с позицией большинства представителей современного экономического мейнстрима. Не случайно посткейнсианцы почти не печатаются в ведущих научных журналах и не получают Нобелевских премий по экономике⁷, в отличие от того же Д. Норта.

С его точки зрения, описанной выше, эволюция человечества и экономический рост как будто всё время должны идти «рука об руку»: люди накапливают знания, создают и модифицируют технологии, при этом совершенствуя правила социальных взаимодействий, то есть институты. Задача

⁷ Хотя в периоды кризисов, например, при Великой рецессии, начавшейся в 2008 году, идеи посткейнсианцев оказываются в определенной степени востребованными. А как еще объяснить тот факт, что в 2008 году одно из крупнейших американских издательств McGraw-Hill переиздало основные труды одного из ведущих посткейнсианцев Хаймана Мински (Minsky, 1975; 1986)?

институтов состоит в том, чтобы «собрать» и упорядочить знания и технологии. Именно институты, а не система относительных цен, ответственны за это (Норт, 2010. С. 112; Балацкий, 2011). Чтобы справиться с «поставленной» задачей, институты должны эффективно снижать неопределенность. Результатом прогресса в области накопления знаний и технологий должен быть быстрый и устойчивый экономический рост.

Но проблема состоит в том, что отсутствие эффективных институтов, нередко обусловленное культурной спецификой или тем, что, по терминологии Д. Норта, можно отнести к «убеждениям»⁸, может препятствовать накоплению знаний и технологий, а также реализации их положительного влияния на экономическое развитие. Вот почему успешно растущие страны – это редкость, если смотреть на экономическую историю человечества в целом. Великобритания и Франция в последние два с лишним века или Южная Корея в последние несколько десятилетий – скорее «исключение из правила». Здесь «правилом» является застой, упадок или деградация, а «исключением» – рост и развитие (Норт, 2010. С. 193). Неудачи встречались гораздо чаще, чем достижения.

С точки зрения Д. Норта, большие проблемы в создании и развитии эффективных институтов возникают из-за рассогласования *горизонтов планирования*, которые необходимы для институтов и которыми руководствуются политики, принимающие решения, влияющие на институциональные изменения. Горизонт планирования политиков гораздо короче, чем нужно для формирования эффективной институциональной среды (Норт, 2010. С. 225). Иными словами, «*период окупаемости институциональных изменений больше периода окупаемости решений политиков, что создает заслон на пути прогрессивных политических решений*» (Балацкий, 2011). Ориентация «игроков политической системы» на краткосрочные результаты тормозит институциональный прогресс, а значит, и экономический рост. Как отмечает Д. Норт, «несмотря на то, что фундаментальная причина создания институтов связана с попыткой людей структурировать окружающую среду для того, чтобы сделать ее более предсказуемой, соответствующие попытки могут и зачастую действительно приводят к увеличению неопределенности для некоторых игроков» (Норт, 2010. С. 29). В тех случаях, когда эта неопределенность становится больше для лиц, осуществляющих инновации и прочих образом причастных к техническому прогрессу, институциональные барьеры на пути быстрого и устойчивого роста становятся почти непроходимыми. Отсюда мы сталкиваемся с феноменом, состоящим в том, что многие страны и регионы десятилетиями и веками пребывают в состоянии стагнации или даже «отрицательного роста».

Вместо заключения

Подходы посткейнсианцев и Д. Норта к анализу неопределенности и роли институтов в ее снижении в значительной степени похожи, с той разницей, что посткейнсианцы – скажем, в лице П. Дэвидсон и Х. Мински, – впервые написали о важности неопределенности лет за 20–30 до публикации самых новаторских трудов Нобелевского лауреата. Поэтому, когда в некоторых работах (Балацкий, 2011) проводятся аналогии между Д. Нортом и упоминавшимся выше Н. Талебом, возникает ощущение научной несправедливости: посткейнсианцы заговорили о важности не сводимой к риску неопределенности задолго до них обоих⁹.

⁸ Точнее говоря, согласно интерпретации А. П. Заостровцева (Заостровцев, 2014. С. 34), из теории Д. Норта следует, что культура – это убеждения [beliefs] плюс неформальные институты.

⁹ При этом «черные лебеди» Н. Талеба – феномен, который относится к эпистемологической, а не онтологической неопределенности. Если же Дж. М. Кейнс исходил из того, что люди осознают свое существование в мире фундаментальной неопределенности, то в концепции Н. Талеба этого осознания нет. Если у Дж. М. Кейнса накопление ликвидных активов – следствие разумного поведения людей в условиях такой неопределенности, то у Н. Талеба связано с самообольщением в попытках понимания мира. Если у Н. Талеба люди могут найти оптимальную стратегию поведения, позволяющую «выжить сильнее», то в мире Дж. М. Кейнса это невозможно (Terzi, 2010).

Ну и не случайно, как уже было показано, в главе своей последней «сольной» монографии, посвященной «сущности» неопределенности, Д. Норт неоднократно ссылался на П. Дэвидсона. И у посткейнсианцев, и у Д. Норта неопределенность отличается от риска, является характеристикой неэргодической среды, а современный мир обладает свойствами неэргодичности. И у посткейнсианцев, и у Д. Норта указывается, что неопределенность можно уменьшить, но полностью устранить невозможно. Соответственно, и у посткейнсианцев, и у Д. Норта важнейшей функцией институтов является снижение неопределенности и то, насколько эффективно институты справляются с этой задачей, определяет базовые характеристики той или иной экономической системы. При этом любая теория, не признающая важность неопределенности и исходящая из того, что будущее можно моделировать посредством использования методов теории вероятностей, не является адекватной для решения проблем реального мира.

Однако между этими подходами есть и различия. Посткейнсианцы указывают, что институциональная эволюция, направленная на снижение неопределенности для отдельных «игроков», может обернуться тем, что в итоге эта неопределенность будет снижаться менее эффективно для общества в целом, что приведет к росту потенциала нестабильности системы, прежде казавшейся воплощением успеха и стабильности. Не случайно самая известная книга одного из ведущих посткейнсианцев Х. Мински называется «Стабилизируя нестабильную экономику» (*Minsky, 1986*).

Д. Норт же в своем подходе делает акцент на различиях между более успешными и менее успешными странами и регионами – между Англией и Испанией, Северной Америкой и Латинской Америкой и т. д. Нобелевский лауреат предупреждает о ловушках, в которые могут попасть страны, чьи институты неэффективно снижают неопределенность. Такие страны могут быть обречены на застой и деградацию. Однако в рамках его подхода мало говорится о том, какие опасности могут подстергать самые благополучные системы и общества, в тех случаях, когда пути их институциональной эволюции вдруг приведут к менее эффективному снижению неопределенности, чем прежде¹⁰. Но опыт Великой рецессии показывает, что игнорировать такие опасности не следует.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балацкий Е. В.* (2011). Дуглас Норт: когнитивно-институциональный теоретический синтез // *Общественные науки и современность*, № 5, с. 154-166.
- Заостровцев А. П.* (2014). О развитии и отсталости. Как экономисты объясняют историю? СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 248 с.
- Кейнс Дж. М.* (1978). Общая теория занятости, процента и денег. М.: «Прогресс».
- Кейнс Дж. М.* (1998). Общая теория занятости // *Истоки*, Вып. 3, с. 280–292.
- Норт Д.* (1997). «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». М.: Фонд экономической книги «Начала», 180 с.
- Норт Д.* (2010). Понимание процесса экономических изменений. М.: Издательский дом ГУ-ВШЭ, 256 с.
- Орехин П.* (2015). Европу беспокоит кризис роста. (<http://www.gazeta.ru/business/2015/02/25/6426677.shtml> - Дата обращения: 23.08.2016).
- Розмаинский И. В.* (2009). Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // *Вопросы экономики*, № 6, с. 48-59.

¹⁰ Здесь мы не имеем в виду отмечавшийся Д. Нортом недавний «институциональный регресс» таких стран, как Боливия и Венесуэла, выразившийся в актах национализации, объявлении вне закона независимых организаций и т. д. (*Заостровцев, 2014. С. 65*). Мы подразумеваем современные западные общества, в которых накопление рыночной власти крупными компаниями, финансовые инновации, всё большее распространение долговых отношений увеличивают как потенциал нестабильности, так и склонность к стагнации.

- Carvalho F. J. C.* (1992). Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for a Monetary Production Economy. Aldershot: Edward Elgar.
- Davidson P.* (1972). Money and the Real World. London: Macmillan.
- Davidson P.* (1991). Is Probability Theory Relevant for Uncertainty? A Post Keynesian Perspective // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no. 1, pp. 129-143.
- Davidson P.* (1996). Reality and Economic Theory // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 18, no. 4, pp. 479-508.
- Dequech D.* (2000). Fundamental Uncertainty and Ambiguity // *Eastern Economic Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 41-60.
- Hodgson G. M.* (2011). The Eclipse of the Uncertainty Concept in Mainstream Economics // *Journal of Economic Issues*, vol. 45, no. 1, pp. 159-175.
- Keynes J. M.* (1930). A Treatise on Money. London: Macmillan.
- Keynes J. M.* (1973). A Monetary Theory of Production // The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by D. Moggridge. Vol. XIII. London: Macmillan, pp. 408-411.
- Lucas R. E., Jr.* (1981). Studies in Business Cycle Theory, Cambridge, MA: MIT Press.
- Minsky H. P.* (1975). John Maynard Keynes. New York: Columbia University Press.
- Minsky H. P.* (1986). Stabilizing an Unstable Economy. New Haven: Yale University Press.
- Rousseas S.* (1998). Post Keynesian Monetary Economics (3rd Edition). London: Macmillan.
- Terzi A.* (2010). Keynes's Uncertainty is Not About White or Black Swans // *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 32, no. 4, pp. 559-565.

REFERENCES

- Balatsky E. V.* (2011). D. Norts Kognitiv-institutional Synthesis. *Social Sciences and Modernity*, no. 5, pp. 154-166. (In Russian).
- Carvalho F. J. C.* (1992). Mr. Keynes and Post Keynesians. Principles of Macroeconomics for a Monetary Production Economy. Aldershot, Edward Elgar.
- Davidson P.* (1972). Money and the Real World. London, Macmillan.
- Davidson P.* (1991). Is Probability Theory Relevant for Uncertainty? A Post Keynesian Perspective. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 5, no. 1, pp. 129-143.
- Davidson P.* (1996). Reality and Economic Theory. *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 18, no. 4, pp. 479-508.
- Dequech D.* (2000). Fundamental Uncertainty and Ambiguity. *Eastern Economic Journal*, vol. 26, no. 1, pp. 41-60.
- Hodgson G. M.* (2011). The Eclipse of the Uncertainty Concept in Mainstream Economics. *Journal of Economic Issues*, vol. 45, no. 1, pp. 159-175.
- Keynes J. M.* (1930). A Treatise on Money. London, Macmillan.
- Keynes J. M.* (1973). A Monetary Theory of Production // The Collected Writings of John Maynard Keynes / Ed. by D. Moggridge. Vol. XIII. London, Macmillan, pp. 408-411.
- Keynes J. M.* (1978). The General Theory of Employment, Interest and Money. Moscow, Progress Publ. (In Russian).
- Keynes J. M.* (1998). The General Theory of Employment. *Beginnings [Istoki]*, vol. 3, pp. 280-292. (In Russian).
- Lucas R. E., Jr.* (1981). Studies in Business Cycle Theory. Cambridge, MA, MIT Press.
- Minsky H. P.* (1975). John Maynard Keynes. New York, Columbia University Press.
- Minsky H. P.* (1986). Stabilizing an Unstable Economy. New Haven, Yale University Press.

North D. (1997). *Institution, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow, The Fund of the Economic Book "Nachala", 180 p. (In Russian).

North D. (2010). *Understanding the Process of Economic Change*. Moscow, HSE Press, 256 p. (In Russian).

Orekhin P. (2015). Europe Worries About Crisis of Growth. (<http://www.gazeta.ru/business/2015/02/25/6426677.shtml> - Access Date: 23.08.2016). (In Russian).

Rousseas S. (1998). *Post Keynesian Monetary Economics* (3rd Edition). London, Macmillan.

Rozmainsky I. V. (2009). Uncertainty and Institutional Evolution in Complex Economic Systems: The Post Keynesian Approach. *Voprosy Ekonomiki*, no. 6, pp. 48-59. (In Russian).

Terzi A. (2010). Keynes's Uncertainty is Not About White or Black Swans. *Journal of Post Keynesian Economics*, vol. 32, no. 4, pp. 559-565.

Zaostrotsev A. P. (2014). *On Development and Backwardness. How Do Economists Explain History?* St. Petersburg, European University Press, 248 p. (In Russian).